

A woman with reddish-brown hair tied in a bun, wearing a patterned orange-brown dress, is seen from the back, sitting on a windowsill. She is looking out a large window at a scenic view of a town with a prominent church spire and distant mountains. A large, leafy tree with yellow-green foliage is in the foreground, partially obscuring the view. The scene is bathed in warm, golden light.

Ильгиз Гиматов

Тополь Анатолий

Ильгиз Гиматов
Тополь Анатолий

«Автор»

2026

Гиматов И. И.

Тополь Анатолий / И. И. Гиматов — «Автор», 2026

На первый взгляд, кажется странным сплетение судеб одинокой женщины и тополя, растущего вплотную за ее окном. Но их сближает тяга к солнцу жизни. Она помогает преодолевать трудности и преграды.

© Гиматов И. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Все имеет свое продолжение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Тополь Анатолий

Все имеет свое продолжение

Северный ветер бесчинствует всю ночь. Под его напором качается и скрипит верхними стволами, шебуршит ветвями и шелестит листьями тополь.

До самого утра нет покоя старому толстяку с трещинами-шрамами на грубой коре.

Нет покоя и бабе Шуре.

Она ворочается в постели от постоянной тягучей боли во всех своих суставах и косточках. Иногда, ей кажется, изношенное тело находит удобное, сходное положение под одеялом. И боль немного стихает.

Но от очередного порыва ветра начинает стонать тополь за окном и опять нарастает бешеным потоком тревожный клокочущий шум листвы.

И словно выстрел раздается в голове старухи. Сердце начинает биться часто-часто. Как мышка в когтях у кошки. И боль возвращается вместе со страхом – а вдруг сердце не выдержит этой своей скачки?

И сна нет. Только боль во всем теле. Только черные сгустки одиночества по углам комнаты. И длинная бесконечная ночь.

Утром баба Шура с трудом выходит из оцепенения. Шершавые свинцовые горошины перекатываются в ногах, когда она идет к окну.

– Что ж ты делаешь, Анатолий? Сам измучился и мне не даешь покоя...

Тополь, обвиснув листьями, молчит, не шелохнется. Потупился, как нашаливший ребенок.

– Ты уже не мальчик, – говорит баба Шура. – Вон какой солидный толстый дяденька... А помнишь каким бледным и хрупким был, когда тебя принесли сюда?.. Как давно это было... Шестьдесят лет тому назад. И годков мне было тогда всего-то двадцать три. И была я тогда красавица-раскрасавица. И телом ладная, и лицом пригожая, и мыслями светлая...

На третьем году замужества после многочисленных анализов и осмотров – господи, как стыдно и больно было ей, деревенской, когда мрачный мужик – гинеколог, копошился в ней, казалось, выворачивал внутренности и рассматривал что и как там – узнала Шура в женской консультации, что детей у нее не будет. Никогда.

Красота ее оказалась пустоцветной.

Проплакала ночь.

И смирилась.

Мужу своему, Толику, ничего не сказала. Уж очень сильно он ждал сына. Говорил, назовет его Анатолием. Так, мол, у них в роду по мужской линии принято – первенцев нарекать именем отца. Сам он Анатолий Анатольевич. И отец его тоже Анатолий Анатольевич. И – дед.

Посмеялась поначалу Шурка. А потом, после, как узнала о своем бесплодии, не касалась этой темы.

Иногда подруги по отделочной бригаде подначивали:

– Пора, Шурочка, вам с Толиком ляльку покупать... Или денег не хватает? Займем... Или чем-то другим помочь? Научим. Присылай муженька на стажировку...

И в хохот.

– Какие наши годы, – отшучивалась Шурка. – Успеем!

А в сердце черные кошки точили острые когти.

В тот день с Ленинского субботника Толик принес метровый полудохлый саженец тополя. Его откинули в сторону – забраковали. Толик подобрал. Вместо корня какой-то огрызок.

– Не жилец, сказал увязавшийся за Толиком его армейский друг и напарник по автоколоне Федор Смоляков. Он парень видный – высокий, широкоплечий. Но взгляд у Федора тяжелый и липкий. Глазами при каждом удобном случае раздевает и щупает. Неприятно становится и тревожно. Хотела Шурочка поделиться своими мыслями с Анатолием, но не стала. Горяч муженек. Затеет драку. А этот Федор, говорили, все время с ножом ходит...

– А мы его с любовью... – Толик бережно опустил саженец в ямку. Выровняв ствол, присыпал ямку землей и прихлопнул несколько раз ладонями сверху. – Если с любовью и сухой прутик расцветет в пустыне... Да, Шурочка?

И взглядом горячим и ласковым пронзил ее до самого сердца.

– Принеси ведро воды, – с восхищением смотрел он, – и бидон – за пивом сбегая пока ты будешь поливать. Бочку прикатили в парк по случаю праздника...

Сухая земля, как губка, вбирала воду.

– Дай помогу, – Федор стал отнимать у нее эмалированное ведро. Накрыл и обхватил горячей ладонью ее пальцы, сжимающие широкую деревянную катушку ведерной ручки.

– Отстань! – вскрикнула Шурка и оттолкнула Федора.

Ведро упало на бок. Вода лавиной обрушилась в лунку с саженцем, смыла землю до корня.

Показалось, тополе испуганно вздрогнул и отклонился в сторону.

Толик вернулся с трехлитровым бидоном пива.

– А где Федя?

– Ушел, – коротко ответила Шура.

Толик подсыпал землицы в лунку к топольку.

– Ну и неумеха ты, Шурочка, – сказал ласково, – чуть не захлебнулся наш сыночек. Давай назовем его Анатолием.

Слезам налились глаза Шурочки. Задрожали мелко губы, загнулись.

Толик поцеловал ее пальцы.

– Я все знаю... В нашем маленьком городке, как в деревне, не хранятся тайны... Врачебные – тоже.

Саженец тополя на удивление быстро взялся расти. Только успевай поливать. За лета вытянулся на метр.

По утрам, проводив мужа на работу – он уходил рано, в настенных часах с гирьками кукушка еще и шесть раз не проголосит, Шурка смотрела в окно на свое деревцо.

– Ну как спали – почивали, Анатолий Анатольевич?

Казалось, что тополь радостно вздрагивал и взмахивал в ответ листочками.

Зимой было сложнее общаться.

Как не старайся разглядывать деревце, надышав проталину в стекле, все равно толком ничего не видно. Торчит какой-то хилый прутик из сугроба. И не ответа, ни приветов от него.

Зато весной к концу апреля уж каким нежным и веселым становился тополе. Набухшими почками, как кончиками антенн, следил за движением солнца в небе и мельканием Шурки в окне. А потом вдруг за одну ночь взрывался клейкими листочками и сочился терпким смолистым ароматом.

Через пять лет тополь вымахал до второго этажа. Разросся в кроне. Окреп стволом.

– Ну вот, – сказал Толик, – на человека стал похож. Выправился. А то Федька, помнишь, был: не жилец...

Тополь с каждым годом становился выше и краше.

А в семье Шуркиной начало происходить что-то не ладное.

Все чаще мрачным приходил с работы Толик. Все чаще от него пахло водкой. И уже он не рассказывал упоенно о том куда ездил на своем самосвале, какие грузы перевозил. Съедал ужин с безразличными отрешенными глазами и заваливался спать.

И сама Шурка стала чувствовать какую-то не понятную неудовлетворенность жизнью.

В бригаде женщины одна за другой уходили в декретные отпуска. Возвращались и снова уходили. Все разговоры у них были о детках – об их болезнях, о радостях, которые они приносили. Потом пошли рассказы о школьных проблемах и успехах.

Шурка выпадала из этого общения. Чувствовала себя лишней. Постепенно в бригаде стали умолкать в ее присутствие. Да и она сама привыкла работать в одиночестве. Возьмет себе стену в новостройке и в одиночестве ровняет ее раствором и штукатурит. Наедине со своими мыслями. А они-то, эти мысли, не приносили радости.

Однажды в воскресенье, сортируя для стирки одежду Толика, нашлав кармане его брюк пачку денег. Замусоленные желтоватые рублевки, затертые зеленые трешки, затасканные синие пятерки и мятые красные десятки с профилем Ленина были сложены в неаккуратную пачку.

– Премию получил? – спросила.

– Не трогай! – неожиданно зло и резко ответил Толик. – В карты выиграл... Не трогай! Сегодня выиграл – завтра проиграю. Не твое дело!

Потом он перестал приносить зарплату. .

Весной на десятом году жизни тополь Анатолий Анатольевич подвергся подрезке. Уж больно шустро рванул вверх. Вот его за это основательно и подчекрыжили работники горзеленхоза.

В этот день на работе Шурка неожиданно почувствовала себя плохо. Очень плохо. Голову стянуло жгучей болью, тошнило. И сердце сжималось от предчувствия беды. Хотелось куда-то бежать и кого-то спасать. Еле доработала до конца смены.

У дома ее встретил изуродованный Анатолий Анатольевич. Страшные култышки веток торчали в разные стороны. Будто застывший деревянный взрыв. Каждой клеточкой Шурка чувствовала, как больно тополю.

С трудом открыла дверь в квартиру, выпила таблетку аспирина и упала, не раздеваясь, в неразобранную постель прямо поверх покрывала.

Тополь болел несколько недель. Все это время нездоровилось и Шурке. Полегчало, когда по веткам побежали свежие зеленые побеги листьев.

Однажды летним воскресным вечером у тополя собрались все жители дома. И старые и малые. Вышла и Шурка. Все знали, что это ее дерево. Народ расступился. Подошла Шурка и обомлела. Все листья тополя от нижних толстых ветвей до нежных побегов кроны почернели.

– Быть беде! – прокаркала баба Дуся - старуха из второго подъезда.

– Что ты болтаешь?.. – одернул ее рыжий мужик из соседнего дома, подошедший посмотреть по какому поводу собралась толпа у тополя. – Просто изменился состав воды, которую дерево вбирает из земли...

– А что, к этому тополю отдельную водяную линию подвели что ли? – выкрикнул кто-то из толпы. – Вокруг по кварталу все деревья зеленые...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.